

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М.: Сов.энциклопедия, 1969.- С.407.
2. Джеймс К. Контрастивный анализ//Новое в зарубежной лингвистике.- Вып. XXV. - Контрастивная лингвистика/Общ. ред. В.Г. Гака.- М.: Прогресс, 1989.- С.291-292.
3. Сшкидло А.Я. К проблеме разноуровневой синонимии: ФН - N3 - 1990. - С.69-80.
4. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка.- М.: Наука, 1974.- С.173.
5. Гак В.Г. К типологии форм языковой политики: ВЯ - N5 - 1989.- С.106.
6. Брагина А.А. Синонимы в литературном языке. - М.: Наука, 1986.- С.65.
7. Литовкин В. Без грифа "секретно": Известия, 12. 12.1990.- N344.- С.6.
8. Силян В.Л. К проблеме синонимии: ВЯ.-N4 - 1987 - С.95.
9. Пауль Г. Принципы истории языка. - М.: Ин.издат., 1960.
10. Рупосова Л.П. Типы словообразовательного значения русских специальных наименований ХУІ-ХУІІ вв.: ФН - 1990 - N3. - С.55.
11. Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. - Л.: Наука, 1976. - С.370.
12. Потенция А.А. Из записок по русской грамматике. - Т.1-П.- М., 1958.- С.15.
13. Kleine Enzyklopadie Deutsche Sprache/W. Fleischer u.a. - Leipzig: Bibl.Inst., 1983. - S.292.
14. Жуков В.П. и др. Словарь фразеологических синонимов русского языка/ Ред. В.П. Жукова.- М.: Русск. язык, 1987. - 441 с.
15. Беличенко И.И. К истории изучения синтаксических синонимов в советском языкознании// Языковые единицы в парадигматике и синтагматике.- Днепропетровск: ДГУ, 1990. - С.63-68.
16. Сгалл П. Значение, содержание и прагматика//Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика.- Вып. ХУІ. - М.: Прогресс, 1985.- С.388-389.
17. Касаткин Л.Л. и др. Краткий справочник по современному русскому языку/ Под ред. П. А. Леканта. - М.: Высш.школа, 1991.- С.337-338.

В.Н. ТИХОМИРОВ

"...и рушится семейная связь между родителями и детьми"

Речь пойдет о решении проблемы "отцов" и "детей" в Библии и трагедии Шекспира "Король Лир".

Нравственно-философский аспект этой проблемы, пожалуй, впервые запечатлен в библейской "Притче о блудном сыне" (Евангелие Луки, гл.15). В этой короткой притче спрессованы мысли и темы, которые получают развитие в мировой литературе, в том числе и в трагедии Шекспира (раздел наследства отца, уход одного из сыновей из семейного гнезда и обнищание в "дальней стране", возвращение домой с покаянием, прощение отца).

Разрыв сына с родительским домом трактуется Евангелием как грех не только против отца, но и против самого Бога. "... отче! я согрешил против неба и пред тобою, и уже не достоин называться сыном твоим", - говорит раскаявшийся сын" (3, 94).

Как известно, в десяти заповедях Бога, изложенных Моисеем, на первом месте стояли правила отношения детей к родителям: "Бойтесь каждый матери своей и отца своего" (3, 126). Злословие против родителей карается смертью. Правда, в отличие от "Ветхого", в "Новом завете" эти отношения больше основаны на любви и милосердии, чем на строгом подчинении и боязни детей своих родителей. Это, в частности отражено и в "Притче о

блудном сыне". Отец не только прощает сына, но и на радостях устраивает веселье, "ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся. И начали веселиться" (3, 94).

Как и все, рассказанное Иисусом, "Притча о блудном сыне" имеет глубоко символический смысл. Образу отца Христос, несомненно, уподобил гуманного и милосердного Бога, а образу сына - греховных и кающихся людей. Так и была воспринята притча народом. "Когда Иисус окончил, люди смотрели друг на друга с удивлением.

- Хочет ли он сказать, что Бог подобен отцу из этой притчи?

- Да - понимаю. Бог желает простить даже таких грешников, как мы, если мы придем к нему" (3, 81).

В художественной литературе фундаментальное решение проблемы "отцов" и "детей", пожалуй, началось с Шекспира, с его великой трагедии "Король Лир".

В нашей науке уже отмечалась связь мирозерцания Шекспира с религиозными учениями. Следует прежде всего назвать труды Л.Пинского и М.Барга. В частности, М.Барг пишет о связи Шекспира с средневековым учением о вселенской иерархии, согласно которому все в жизни является частью единой цепи, которая тянется сверху вниз от Бога к низшим существам. Каждому существу положено свое место. Шекспир довольно точно воспроизвел эту систему в "Троиле и Крессиде", назвав ее "разумным единением естества" (2, 82 - 91). Нарушение этого "единения" ведет, по Шекспиру, к хаосу, что он и запечатлел в своих великих трагедиях, особенно в "Короле Лире". И проблема взаимоотношения "отцов" и "детей" является частью глобальной системы о вселенской иерархии.

Ощущение хаоса, "разлада во всем" между родителями и детьми пронизывает собой всю структуру трагедии "Король Лир". Знаменательны слова графа Глостера: "Любовь остывает, слабеет дружба, везде братоубийственная рознь... и рушится семейная связь между родителями и детьми" (8.444).

Проблема "отцов" и "детей" словно магнит "собирает" вокруг себя такие философские и религиозно-нравственные понятия, как стыд, совесть, любовь, справедливость и т.д. Точнее речь идет об искажении этих понятий в мире "неестественных", меркантильных человеческих отношений. Это и является одним из главных источников влияния шекспировской трагедии на последующую культуру, особенно 20 века. Трагедии Шекспира, прежде всего "Гамлет" и "Король Лир", не только вписались в нигилистические тенденции европейской мысли 20 века, но и в какой-то мере предвосхитили их. "Нигилизм есть приходящая к господству истина о том, что все прежние цели сущего пошатнулись", - пишет М.Хайдеггер (7, 64). Он же так определяет главный "тезис" ницшеанства: "Бог умер". Это значит: "Христианский Бог" утратил свою власть над сущим и над предназначением человека" (7, 64).

В структуре трагедии "Король Лир" весьма интересно воплощаются традиции "Старого" и "Нового" заветов. В ходе развития сюжета трагедии строгая категоричность Моисеевых заповедей в значительной мере смягчается человеколюбием "Нового завета". Эта категоричность и жесткость в какой-то мере присутствует в начале трагедии. Уверенный в своем отцовском праве самонадеянный Лир милостиво делит свое царство между тремя дочерьми. В награду он требует абсолютного послушания и как следствие этого - дочерней любви. Он не приемлет со стороны Корделии вполне естественного заявления: "Наверное, когда я выйду замуж, // Часть нежности, заботы и любви // Я мужу передам. Я в брак не стану // Вступать, как сестры, чтоб любить отца" (8, 433). В этой сцене отражается жесткость не только Моисеевых заповедей, но и учения о вселенской иерархии об абсолютном верховенстве в мире родительского, в частности, отцовского начала.

И предательство старших дочерей воспринимается Лиром как "непослушанья знаки". Не случайно в поисках высшей справедливости король апеллирует к небесам: "... Боги, если вам // Любезна старость, мило послушанье // И сами вы не молоды, молю // Принять мое несчастье близко к сердцу!" (8, 486).

Через страдание король Лир обретает высшую человечность, приходит к выводу, что не столько "послушанья знаки", а взаимная любовь должны соединять "отцов" и "детей". Искушая свою вину перед Корделией, вопреки правилам "иерархии", он падает перед ней на колени. В этой и последующих сценах с Корделией явно ощущаются гуманистические традиции "Нового завета".

Не менее тяжкие испытания выпадают на долю графа Глостера и его сына Эдгара. Преодолев интриги и клевету Эдмунда, они, как и Лир с Корделией, на трагической основе приходят, наконец, к взаимной любви и согласию.

Рядом с любовью, другой не менее важной нравственной категорией, определяющей взаимоотношение "отцов" и "детей" у Шекспира, является совесть. И последующие писатели (Бальзак, Тургенев, Островский и др.) усваивая традиции Шекспира, оперировали (вместе с любовью) этой категорией.

Для короля Лира законы совести являются высшей, последней инстанцией в споре с неблагодарными дочерьми. "Пускай в тебе // Когда-нибудь самой проснется совесть", - говорит он Гонерилье (8, 487). Чистосердечная Корделия, узнав о предательстве своих Отец! // В такую ночь! Куда девалась жалость!" (8, 526). Высшим нравственным путями, (королем Лиром и его дочерьми) вынужденного выбирать между двумя воюющими сторонами, (королем Лиром и его дочерьми) опять-таки является совесть. "Чтоб воевать, я Регана и Гонерилья, совершая злодейские поступки, не обращаются к совести.

Какие аспекты взаимоотношения "отцов" и "детей" в центре внимания Шекспира? Коротко на этот вопрос можно ответить так - природный и социально-исторический. Эти аспекты находятся в тесном взаимодействии.

А. Шмидт в своем "Словаре Шекспира" дает сотни оттенков значения слова "природа" у английского драматурга (9, 758-759). Интересные наблюдения в этой связи содержатся в книге В. Комаровой "Шекспир и Монтень" (5, 111-124). Коснемся этого вопроса в связи с нашей проблемой. Прежде всего выделим естественно-биологический аспект взаимоотношения "отцов" и "детей". Лир оправдывает свою власть над дочерьми правом "первородства". "Но все ж ты плоть, ты кровь, ты дочь моя, // Или, верней, болячка этой плоти", - говорит он Гонерилье (8, 487). Нарушение этого естественного права, права вселенской иерархии дочерьми должно привести к неизбежной каре сверху. Поэтому Лир и обращается к силам природы с просьбой покарать дочерей: "Услышь меня, услышь меня, природа, // И если создавала эту тварь // Для чадородья, отмени решенье!" (8, 459).

Однако и дочери свое непослушание отцу тоже пытаются оправдать биологическими законами природы. Желание Лира отказаться от престола и в то же время сохранить многочисленную свиту, блуждания по степи и "небесные" проклятия в адрес дочерей кажутся им причудами полоумного старика. "Он был сумасбродом в лучшие свои годы. Теперь к его привычному своеволию прибавятся вспышки старческой раздражительности", - говорит Гонерилья (8, 440). Ей вторит Регана: "Не забывайте лет своих, отец. // Живите в соответствии с годами." (8, 486).

Так в позиции старших дочерей Лира тоже выявляется своя "естественная" правда. Однако не следует ее преувеличивать. Весь строй шекспировской трагедии, логика развития конфликта говорят о доминировании "правды" отцов. Тем более, что в финале трагедии "небеса" карают неблагодарных дочерей за пренебрежение своим священным долгом.

Пожалуй, идеальным выражением позиции Шекспира в споре "отцов" и "детей" является правда Корделии, тоже во многом основанная на естественных, биологических законах. "Вы дали жизнь мне, добрый государь, // Растили и любили. В благодарность я тем же вам плачу: люблю вас, чту // И слушаюсь. На что супруги сестрам, // Когда они вас любят одного? (8, 433). Как видим, естественная любовь к отцу у Корделии сочетается с не менее естественной любовью к мужу.

Если для Реганы и Гонерильи обращение к природным законам является хитроумным, хотя и логичным прикрытием своих коварных замыслов, то для Корделии - выражением ее подлинного естества. И она до конца остается верной своему отношению к отцу, основанному на любви и послушании.

Думается, что именно Корделия прежде всего выражает правила естественной, общечеловеческой христианской морали, запечатленные в Евангелии. Вообще во всем ее облике и в характере проступает идеальная иконописность. Не случайно Лиру в финале трагедии она видится "райским духом". Не случайно и то, что он становится перед нею на колени.

Кротость, милосердие, искренность и любовь, исходящие от нее, - все это заставляет вспомнить христианских святых. Да и сама ее смерть в финале трагедии глубоко символична, становясь страшным искуплением за тяжкие грехи в мире зла и насилия.

Много интересных мыслей о роли образа Корделии в нравственно-философском смысле трагедии содержатся в книге Л.Пинского "Шекспир". Основной смысл ее личности, ее "боль" ученый справедливо видит в "стыде за других, за их фальш" (6, 34). В этом, по мнению Л.Пинского, проявляется "наиболее верный и самый высокий показатель" нравственного уровня человеческой культуры, что придает образу Корделии общечеловеческий смысл и глубочайшую злободневность. Правда Л.Пинский почему-то изолирует основную идею образа Корделии ("стыд за других") от христианской морали и этики. "Мы не находим в "Лире" прямых следов христианских верований", - категорически утверждает он (6, 307). Отказывается видеть в образе Корделии следы христианства и А.Аникст (1,486).

Но вернемся к природному аспекту решения проблемы "отцов" и "детей" в трагедии. Естественным началам любви, воплощенным в образе Корделии, противостоят злые, тоже природные начала. Помимо старших дочерей Лира эти начала воплощены в образе Эдмунда. "Природа" "добрых" и "злых" уже видна из того, какой смысл вкладывается теми и другими в само слово "природа", - справедливо пишет Л.Пинский (6, 295). Злые "влагают" в это понятие прежде всего животный, "пожирающий" смысл. "... доживем мы до того, что люди станут пожирать друг друга, как чудовища морские", - пророчески вещает герцог Альбанский (8, 522).

Циничным философом, проповедующим "естественное" право сильного господствовать над слабым, является Эдмунд. Пренебрегая "проклятьем предрассудков", он заявляет, что его "богиней" является природа. Таким же предрассудком становится для него почитание и любовь к родителям. В своем письме, написанном якобы от имени брата Эдгара, он цинично провозглашает: "Это почитание старости отравляет нам лучшие годы нашей жизни... тиранство стариков - бесполезный предрассудок, властвующий над нами только потому, что мы его терпим" (8, 442 - 443).

В какой мере шекспировская трактовка проблемы "отцов" и "детей" зависит от таких категорий, как время и история? Другими словами, как эта проблема соотносится с шекспировскими принципами историзма?

Пожалуй, следует выделить самый главный социально-исторический аспект в изображении взаимоотношения "отцов" и "детей". Распад семей Лира и Глостера символически перерастает в трагедию распада общества. Эта глобальная шекспировская мысль была усвоена последующей литературой. "... все рухнет, если дети перестанут любить своих отцов", - скажет Бальзак устами умирающего отца Горио. Шекспир вкладывает эту мысль в уста графа Глостера: "Тут отец идет против родного детища. Наше лучшее время миновало. Ожесточение, предательство, гибельные беспорядки будут сопровождать нас до могилы" (8,444).

При изображении этих "гибельных беспорядков" проявляется органическая связь природного, естественного и социального, исторического. В этой связи интересны мысли Эдмунда по поводу соображений его отца о том, что источником распада семей являются недавние "солнечные и лунные затмения". На это Эдмунд трезво замечает: "Как это глупо! Когда мы сами портим и коверкаем себе жизнь, обожравшись благополучием, мы приписываем наши несчастья солнцу, луне и звездам" (8,446). Тот же Эдмунд, приказывая капитану повесить Корделию, пытается оправдать свое злодейство "велеьем века" (8,554).

Но вряд ли Шекспир вслед за Эдмундом объясняет людские пороки только пороками века. Тем более, что король Лир, которому Шекспир доверяет гораздо больше, чем Эдмунду, думает по-другому. Злодейскую неблагодарность дочерей Лир склонен объяснить прежде всего вмешательством "духов разрушенья": "Нет, духи разрушенья, вы в союзе// С моими дочерьми..." (8,495).

Интересны наблюдения Л.Пинского об эпохальных пластах времени, воплощенных в персонажах трагедии: в Лире и графе Глостере - изначальное, патриархально-языческое, естественное слияние человека с природой, в старших дочерях Лира - феодальная стадия "рождения личности", наконец, дух Возрождения, пронизывающий всю структуру трагедии, ее образную систему (6,307-309). Все эти исторические пласты жизни объединяются синтетически глобальным мироощущением Шекспира, "большим временем", по Л.Пинско-

му, которое "одно и составляет настоящее время действия в "Короле Лире" (6,323).

Изображение "большого времени" как истории человеческого сознания и бытия потребовало и специфических, обобщенно символических изобразительных средств. Так образ Лира в ходе развития сюжета трагедии постепенно перерастает в символ поруганной отеческой доверчивости, его старших дочерей - коварства и дочерней неблагодарности, Корделии - противостоящей им христианской любви и милосердия. Наконец, трагедия "отцов и детей" становится символом трагедии всего общества.

У писателей последующих эпох, в отличие от Шекспира, несомненно, усиливается фактор "малого времени": взаимоотношение "отцов" и "детей" больше зависит от влияния среды и конкретных социальных обстоятельств. Одновременно Библия и Шекспир навеечно останутся недосягаемым образцом общечеловеческого, нравственно-философского постижения этой проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникст А. Творчество Шекспира - М, 1963.
2. Барг М.А. Шекспир и время - М, 1979.
3. Библия. Стокгольм, 1988.
4. Жизнь Иисуса Христа и история первой церкви - Чикаго, 1981.
5. Комарова В.П. Шекспир и Монтень - Л, 1983.
6. Пинский Л.Е. Шекспир - М, 1971.
7. Хайдеггер М. Время и бытие - М, 1993.
8. Шекспир У. Полн. собр. соч. в 8 т., т.6, - М., 1960.
9. Schmidt A. Schakerpeak - Lexikon - Berlin, 1902.

В.Ф. ШЕВЧЕНКО
Л.О. КОСТЕЦЬКА

"...ЖИТИ ОДНИМ - ЛЮБОВ'Ю ДО РІДНОГО КРАЮ"

Історично склалося так, що українські літератори ніколи не могли дозволити собі творчості поза політикою, поза боротьбою за кращу долю своїх земляків, своєї України. "З Трохима Зіньківського мали ми людину, що від неї могли вчитися розуміти, що таке діяльність. З його мали ми людину, наче спеціально на те сформовану, щоб бути борцем за українську ідею. Трохима Зіньківського можна назвати з деякого погляду ідеалом того, яким мусить бути такий борець в наш час". Так високо охарактеризував Борис Грінченко (1. 52) активну громадянську позицію і творчі шукання українського письменника, фольклориста, публіциста Трохима Аврамовича Зіньківського (псевдоніми Т.Звіздочет, Т.Певний, М.Цупкий та інші), який народився і помер у Бердянську (23.VII/4.VIII/1861 - 8/20/VI.1891). Втіленням української ідеї були у нашого славетного земляка любов до свого народу, турбота про його кращу долю, щастя, добробут, гідність, самоповагу. Втіленням української ідеї були його патріотизм і національна гордість, його боротьба проти національного гніту, проти політики ополячення, русифікації, проти асиміляції українців, боротьба за незалежність, національне самовизначення, утворення суверенної соборної української держави.

Характерною особливістю для Т. Зіньківського, як і багатьох митців і науковців, в умовах бездержавності було майже обов'язкове поєднання творчих функцій з національно-суспільною діяльністю. Витоки унікальної працездатності та універсальності цього талановитого діяча і мислителя з метою прислужитися рідному краю вбачаємо у його родині. Батько хоч і був простим робітником, але визначався своїм розумом і письменством, був прихильний до науки і сам почав учити сина читати по церковній граматиці, а далі віддав його в науку до тітки, що бралася вчити дітей своїх родичів. Пам'ять Трохим мав добру і втримував у голові все, що прочитував, "то незабаром привабив до себе товаришів ще і своїми оповіданнями з прочитаного" (1,12 - 13).